

Анна Мамаенко

Анна Мамаенко, поэт. Родилась в 2005 г. в г. Краснода-ре. Окончила Литературный институт им. А. М. Горько-го. Публиковалась в журналах «Плавучий мост», «Наш современник», «Знамя», «Урал», «День и ночь», «Огни Куз-басса», «Юность», «Формаслов», «Кольцо «А», «Литера-турная учёба», «Донъ» и др.; в «Литературной газете» и «Независимой газете – Ex libris»; в альманахах «День поэзии» (Москва), «Новая Юность» – избранное» (Мо-сква), «Образ» (Кемерово). Победитель турнира поэтов в рамках IX Всероссийского литературного фестиваля им. А. Бельмасова (Ленинск-Кузнецкий, 2022), Победитель Всероссийского фестиваля-форума «Капитан Грэй» (Мур-манск, 2022), Всероссийского семинара-совещания моло-дых писателей «Мы выросли в России» (Петрозаводск, 2022). Победитель в номинации «поэзия» X Междунаро-дного литературного фестиваля «Петроглиф» (Карелия, 2023). Лауреат десятков российских и зарубежных лите-ратурных конкурсов.

Автор книг стихотворений «Некрополь еретиков» (Краснодар, 2011) и «Рыбовладелец» (Оренбург, 2022). Жи-вёт в г. Краснодаре.

ВОЛЧЬИ ЯМЫ ВЕСНЫ

1.

Запах сирени
спеленает дождливый день,
невыхсохшую росу
отряхнёт на твои колени,
когда из цветущих ветвей
проступят рога олени.
Сколько их, краснокнижных,
заблудилось в твоём лесу...
Вознеслось пчелою по солнечному лучу,
прильнуло к глазку
одионочной камеры,
притаилось на острие иголки.
За ними идёт гроза
или грохочут волки
лестницей Иакова, приставленной к чердаку.
Рельсами, что никогда не кончатся тупиком.
Разве только неслышным взрывом
кистей сирени.
Аметистовым льдом
или тропой оленьей.
Разбрызганным над влажными крышами молоком.

2.

Навстречу – то ли весна, то ли станция «Волчьи ямы».
Параллельное солнце плавит рельсы
и растекается колеёй.
Деревья, все как одно, стать мечтают проводниками,
разносить чай в подстаканниках и раздавать бельё.

Не имея ни корня, ни якоря, плыть
по мерцающим рельсам.

Не знать, где сухое отечество семенем проросло.
Вглядываться в туман. Ждать окончания рейса,
зелёные влажные нюхалки распластывая о стекло.

На станции «Волчьи ямы» к поезду выйдет старуха.
Понесёт в плетёной корзине продавать
нерождённых волчат.

Сирень запахнет озоном. И только зелёное ухо
имеющий да услышит, о чём волчата молчат.

Что благую весть чернозёма так легко пропускать
сквозь пальцы,
на станции «Волчьи ямы» ложась в направленьи весны.
Серым семенем восходить. Бежать от станции к стан-
ции.
И верить, что все добежавшие
заранее прощены.

псалом

Замуруй розетку, если из каждого ржавого утюга
или грохочут берцы, или шумит тайга.
В красном углу за паутиной растут рога.
Грозный Иван-дурак убивает иноагента.

Сквозь разводы окна плацкартного в тумане над Чусовой
мерещится с вышкой сросшийся часовой.
Это гипсовый Павлик отбитой сипит трубой,
вызывая из загробного Диснейленда

братка, что в утёсах рынка жирные прятал тела.
Спираль ДНК распадается на москаля и хохла.
Господи Боже мой, как не бояться зла,
если добро всё кулачнее и зубастей.

Долиною смертной тени – за хлебом, за молоком.
Не прикрыться крайнему в очереди ни ватником,
ни совком.

Привкус пепла настигнет повсюду, вращёт в геном,
когда сухпаёк станет важней причастия.

Чаша моя преисполнена. Сверху – дно.
И снизу дно. А по краям – темно.
На бетонном поле едва ли взойдёт зерно.
Убивший Дракона никогда не запилит селфи,

чтобы не встретить взглядом горящую чешую.
Смотришь на хату с краю, а видишь – избу на краю.
Это я, туманом отравленный, над бездной своей стою
и помню только одно – идущий не знает смерти.

карандашная чаша

Выходи на дорогу прогульщиком, учеником.
Вон – к древесным урокам теснятся звонки трамваев.
Взрослей, с безмятежной жестокостью крылышки
дням обрывая,
делая вид, что с собою самим незнаком.

Не махровою зрелостью – пахнет липою аттестат.
Дворик больничный пахнет примерно так же,
где дрожись в ожидании, что догонят... накажут...
свяжут...

Но никто не гонится. Ты свободен и не виноват.

Поднимай «на удачу» потерянные карандаши.

Выводи «жи-ши»...

Но ча-ща, как обычно, наступит гораздо раньше,
чем успеешь её посадить. Шелестнёт бумажно.
Потемнеет чернильно. И обнимет. И устроит.

Но тебе ли бояться драконов и гопарей,
контролёров трамвайных и подкроватных чудищ?
Ты и сам себе пострашнее всех страхов будешь.
А чем дальше в чащу, тем лики зверей – добрей.

Обернутся личинки не личинами – мотыльками.
Не позорно быть ни волком, ни дятлом, ни петухом.
Отбрасывай тени подальше, не думая о плохом.
Карандашная чаща да пребудет со всеми нами.

ворота

Шагать домой после уроков долгих, пакет со сменкой
волоча по рыжим листьям. В коричневой колючей
школьной форме, с портфелем красно-жёлтым, на
котором, направив солнечные батареи в лето, «Мир»
станция ещё пока летает. В портфеле бутерброды
с колбасою (отдам лохматой незнакомой псине, в глаза
ей посмотрю, как будто сфинкс блохастый решения
ко всем задачам знает). Букет из разноцветных листьев
клёна, что голосует «за» единогласно. В нём спряталась
пчела и воздержалась. И травы сквозь неровную
брусчатку растут, не ведая о будущих морозах.
И классики сквозь травы проступают неодолимо, буйно,
угловато. С межорбитальной станцией под мышкой
я прохожу в дожде и межсезонье. И кеды напрочь
временем промокли.

Футбольный мяч... а может – глобус... может – Йорик... в ворота никогда не попадает.

Гусей завидев грустный караван, бельё взлететь пытается напрасно, распятое верёвкой бельевою. А воздух терпкий, как яблоко-дичок, слетает в руки. Не действуют законы притяженья лишь на сидящих за одною партой. По воздуху летают паутинки, как нитки той, несбыточной рубашки, в которой мы когда-то все родились... А в небе, ярко выкрашенном синькой, застряла незнакомая звезда, и – ни гу-гу... лишь лапки шевелятся. И спят давно в кроватках Робин-Гуды, и снятся им неведомые страны под шелест парусов и листьев клёна.

Лишь мяч футбольный прыгает по полю, по пустырю в кузнечиковом свисте. И никогда в воротах не бывает.

А где-то поезда на юг уходят, на север – тоже и кричат надрывно. Но никогда им не попасть в ворота.

И мой портфель летит сквозь душный космос с межорбитальной станцией на правом, такой красивой, яркой, красно-жёлтой. Мечтая об одном – попасть в ворота. Но – нет ворот. И космос бесконечен.

Один пустырь, заросший повиликой, и клевером, и прочим чистотелом. А от ворот – два столбика осталось. Пройдёшь сквозь них – и очутишься в парке. В том дне, когда мороженое ели. И бегал рельсовый кораблик «Юнга».

И лимонад колючий – три чешуйки, оставленные рыбкой золотою...

учётная форма

Человек видит ангелов, и его тут же ставят на учёт.

А может быть, он и правда их видит? Кто сказал, что ангелов не бывает? Я, например, знала одного... Он носил рваные джинсы и феньки на обеих руках, у него были длинные волосы и загорелое лицо. Он спасал всех – собак, воробьёв, детей. Он был ангел и не любил пышных храмов, где торгуют Богом. Он любил лес и камни, ручьи и пение птиц. Его считали дураком, но я-то знаю, что он был ангел...

Человек видит дураков, и его тут же ставят на учёт.

А между тем дураки повсюду. Они заполняют собой общественный транспорт. Идут в конторы, сидят в конторах, вечером запирают кабинеты и уходят из контор. Плодить таких же, как они, дураков. Но это ещё не самое худшее...

Человек видит человека, и его тут же ставят на учёт.

Дескать, ну откуда может взяться человек в нашей стране? В нашей стране человек – это звучит мифологически. Как баба-яга или индрик-зверь. Человек – это почти как ангел, но немножко дурак. Он идёт в контору, сидит в конторе, вечером запирает кабинет и уходит из конторы. Но он там работает, а не просто сидит...

Человека ставят на учёт по любому поводу.

Просто потому, что есть учёты и на них нужно кого-нибудь ставить.

Ангелы и человеки никого не ставят на учёт. Они всего лишь приходят в твою жизнь, берут за руку, улыбаются и молчат. Или покупают билет на электричку и едут в лес обнимать деревья и слушать птиц.

А вот дураков на учёт не берут, потому что их слишком много. Никаких учётов не хватит, и любой компьютер зависнет, их учитывая.

Зато они ставят на учёт всех остальных...

революция кончилась

Летят самолёты: «Привет Мальчишу!» Плывут пароходы: «Привет Мальчишу!»

А он и не слышит, томясь в буржуинском застенке. Он давно уже вырос и сам себе посторонний. Он устал от борьбы. Руки в брюки, в зубах сигарета, глаза на свободу. Главный Буржуин приходит по утрам к Мальчишу и пьёт с ним чифир. Он такой же заложник этой в восьмёрку замкнутой башни. Ни уйти, ни вернуться. Иногда на Мальчиша надевают оковы. Всё добровольно. Главный Буржуин спрашивает: «Хочешь? Тебе станет немного легче от того, что они так тяжелы». Мальчиш охотно соглашается и подставляет тонкие запястья под ржавый металл. Потом они пьют водку и хрустят солёным огурцом. Сок стекает по подбородкам, и там, где он падает на пол камеры, расцветают красные звёзды. Мальчиш подходит к решётке, хватается за толстые холодные

прутья бледными пальцами. За ней совсем другая страна, и реклама прокладок бьёт наотмашь не хуже белогвардейской шашки. «Привет тебе, Мальчиш, из прекрасного завтра!»... Буржуины забивают козла на подложенной жёлтой газете. На первой полосе заголовок – «Лох – это судьба» и фотография Мальчиша в красном галстуке. Рядом с ним товарищи, такие же мальчиши. Смотрят светло и ясно, словно впереди их ждёт только хорошее. Все они кончились. Кто от голода, кто от пули, кто от тоски. Остался один Мальчиш. У каземата толстые стены и выхода нет. Иногда Мальчиш достаёт из-под матраса красный линялый галстук, гладит его, словно маленького зверька, нежно и отрешённо. И прячет обратно под матрас. У Мальчиша бледная кожа, русая борода и длинные волосы. Он очень похож на другого странного парня, который две тысячи лет назад пытался хоть что-то изменить. Не вышло. И там были свои буржуины. Плывут пароходы: «Привет Мальчишу!» Летят самолёты: «Привет Мальчишу!» Это рекламная акция новых, особо прочных презервативов... А он лежит на жёсткой шконке и глядит в потолок. С потолка на него медленно опадают красные осенние листья, засыпая так, что остаётся одно бледное лицо на окровавленной плахе. Приходит Главный Буржуин и собирает листья в мешок. Поднимает Мальчиша, суёт в руки стакан. Говорит: «На, согрейся!» А по лицу Мальчиша плывут облака, из глаз его сочатся мелкие осенние дожди, сквозь него проступают голые деревья молчания. Революция кончилась, на завтра обещали заморозки.

степные костры

По дороге из жёлтого кирпича уйти в изумрудную даль.
Туда, где нет страха и боли, где ящерицы играют
в сырой траве на глиняных дудках.
Край, где любая тоска – тугой червячок,
сосущий яблоко сердца,
– становится куколкой в платье воздушном,
но ненадолго. На очень короткую жизнь.
Вспорхнёт обнажённая радуга над навеки
покинутым домом
и скроется в небе, мерцающем, сонном, звенящем.
Ночная роса отражает степные костры, далёкие, жаркие,
словно цыганские бусы, разбросанные по степи
и взошедшие огненным цветом.
Там ждут заблудившихся и песни поют во всё горло,
чтоб легче было дорогу найти в медунице пахучей,
стоящей ладонями частыми к небу.
Там пахнет зверьё разнотравьем и чаши цыган
никогда от вина не пустеют.
И грезят гитары о воле, и ветер им подпекает.
Цыганские смуглые лица сшиты из пёстрых лоскутьев
огня и памяти долгих кочевий.
Дети в кибитках не спят, смеются и плачут.
Колёса кибиток в гирляндах увядших цветов.
Звёзды над степью тоже табором стали –
слушать, как бубны хохочут в тонких
раскидистых пальцах.
Звёзды сыплются в бубны, нынче богат урожай.
Цыганки в радужных юбках гребнями чешут хвосты
норовистых комет.
Нет-нет, да одна и сорвётся в дикое поле,
рыжий след оставляя за одинокой ненужной
алмазной уздой.

Никто не догонит. Лишь потихоньку проводят ласковым,
знающим внутренним взглядом. Сидят у костра и глядят,
как взошедшие искры
крошками хлеба в Божьих усах застревают.
И чьи-то большие зрачки смотрят сверху задумчиво
и неизбежно.
Глядят половецкие бабы глазами забытого скульптора.
Все, кто в степи этой жил, поднимаются
в сумерках влажных,
садутся к костру, и чаша ходит по кругу.
В ней плещется кровь узловатой, гибкой и терпкой лозы,
кровь этой земли терпеливой.
И нет больше распрей. Одно только дикое поле.
И вечности хватит на всех, кто придёт в эти земли.
Кто в эти степи вернётся, устав после долгого боя,
И, за руки взявшись, продолжит когда-то
оставленный танец.
Меж звёзд и растений. Меж насекомых и Бога.

с чёрного хода

1.

Бесследно кануть в поздний шорох.
Так осыпается листва
под мост железный и дорожный,
ложась в разбитую бутылку,
чтоб навсегда зелёной стать...

Так, налегке, в косматый час,
когда срастаются деревья
и всё становится землёю,
уходит календарный лист.

Так звёздами кишит вода,
вливаясь в чёрные глазницы –
и видят битая бутылка
и железнодорожный мост,
как наверху грохочет поезд.
Но вывернутый наизнанку
звук всех ночных, идущих, скорых –
лишь тихий плач пустых качелей
по отходящему теплу.

В мешке тумана сложен мир.
Лишь горький запах вяжет руки
тем, кто в самих себя вращается,
кто вышел по зелёным стёклам
на лестницу горящих шпал.

2.

Когда подступают синие сны деревьев
вплотную к детским кроваткам и чертят путь –
реки теней на потолке изменяют русла.
Ты утекаешь,
набросив на плечи залатанную печаль,
наполнившись пустотой,
на ощупь шероховатой.

Улицы принимают твои шаги
за шум дождя
и начинают пахнуть
погребом и блуждающими огоньками.

Там, где Город обёрнут собственной тенью
и палые звёзды шевелит
идуший на цыпочках ветер, –
кострами переселенцев унизан путь.

Они танцуют в огне и падают навзничь,
ступенями пламенной лестницы становясь.

С каждой ступенью ты всё меньше и меньше.
Пар над тобой колыхается и растёт.

Ты исчезаешь.

Туча идёт на Город.

Как виноградная ягода на просвет –
каждая капля скрывает в себе младенца.

прометей из хрушоб

Стоя на кухне, плевал в форточку.
Думал, со временем станет легче.
Ведь если закрыт отдел винно-водочный –
орёл прилетает клевать печень.

А ты гостю любому радёшенек.
Улыбка дежурная – здравствуй, птичка!
Но если вокруг все такие хорошие,
значит, пора менять привычки...

Жизнь, похожая на кубик Рубика.
Солнце круглое, как сковородка.
Паста червём выползает из тюбика.
Бритва дрожит у подбородка.

А в окошке, засиженном мухами,
 зришь драму, достойную «Оскара», –
 мусорный бак, набитый старухами...
 Участковый, дубасящий недоноска...

И это значит – жизнь продолжается,
на чахлах деревьях проклюнулись почки.
Почти не лает и не кусается
чудище на хромосомной цепочке.

Оно изыдет из жерла подъездного,
в синее небо задвинет матом,
расправит крылья свои железные,
держа под мышкою мирный атом.

А ты носом прилипнешь к форточке
в малогабаритной своей квартире.
С орлом опрокинешь ещё по стопочке
за мир во всём непутёвом мире.

За все нерождённые поколения.
За дело, в котором давно сомневаешься.
Крикнешь: «Падла! Стоять, мгновение!»
И птичка вылетит. А ты – останешься.

потаённое

Ветер – слепой музыкант
на ощупь дёргает струны деревьев.
Каменноугольный период
на хуторах и в станицах наступает быстрее.
Крест посредине степи
на Млечный Путь держит равнение.
Городища утёкших племён
под культурным слоем деревенеют.
Глечики с молоком
разбиваются, и вытекают звёзды.

Пахнет сырой землёй,
талым временем и навозом.
Огненное колесо
катится, не находя преграды,
тысячи лет подряд
через кладбищенские ограды.
Через дурман-траву,
отражаясь в зрачках потаённых змеев.
И прорастает меч
там, где в поле пшеница зреет.
Варятся облака
в глиняной разноцветной чаше.
И безмятежен взгляд
черепа, вывернутого из пашни.

на городской окраине

Н.Ивановой-Бершадской

Словно узники перед побегом,
звёзды перестукиваются по ночам...
Сквозь кромешные лабиринты
в нетерпении вздрагивающих ветвей
Город покидает своё настоящее
в тщетной попытке себя зачать
и осыпается чешуйками краски,
обнажая тёплую суть дверей...

В каждом дереве прячутся боги,
которым сбыться не суждено.
В каждом камне живёт огонь.
В каждом из нас – умирает небо...
А я всё чаще и пристальней вглядываюсь

в поток, проносящийся надо мной,
и вижу всё меньше и меньше тех,
кто даже рядом со мною не был.

А небо смотрит глазами птиц
и видит нас, как в начале, маленькими,
когда на верёвках сушились ветра
и была Дорогой каждая улица.
А ещё оно видит окраину, где
в мастерской, заказами вечно заваленной,
портниха умелая пришивает к земле
нитью корней костяные пуговицы.

ДОН КИХОТ И ЕГО КОМАНДА

Рыцарь Дон Кихот Ламанчский лежит
под мельницей ветряной.
Он совершил все подвиги, он умирает, ему пора домой.
Росинант щиплет тёплыми губами молодую
покрасневшую траву.
Дульсинья знать не знает об этом и готовится к randevu.
Дон Кихот смотрит в небо высокое, в небе текут облака.
Он уже не странствующий рыцарь, но об этом
не знает пока.

Санчо Панса врачует раны и на рынке закупает фураж.
Их обоих знают в конторе и берут на карандаш.
Их личное дело становится толще день ото дня.
Опер приходит домой, у него большая семья –
жена, ребятишки, родители, тёща и пьяный тесть.
От всего этого оперу хочется на стену лезть.
А Дон Кихот умирает героической смертью бойца.
Он не отступил ни разу и во всём пошёл до конца.
Его Росинант становится круглою сиротой.

Лавочник скоро затарится конскою колбасой.
Опер закажет пива, нарежет колбасный круг
И упадёт головою в слезах на скрещенье рук.
Он будет пить с Санчо Пансой и сморкаться в его осла
обо всех невинно погибших и тщете своего ремесла.
Он будет махать руками и кричать, что они в крови.
Превратясь в ветрянную мельницу, полетит,
не касаясь травы...
От семьи, что висит на шее, и вздохнуть ему не даёт,
он отбудет в края далёкие, где ждёт его Дон Кихот.

Тихо-тихо падает листва.
Корабли отходят от причала.
Песня, что ещё не прозвучала,
где-то растеряла все слова.

И летят в неведомой дали
части багажа и части речи.
Цепью грохоча, бежит навстречу,
лает притяжение земли.

Капитан давно сошёл на нет.
Штурман сбился с правильного курса.
Под землёй калачиком свернулся,
от Катюши передав привет.

Ночь шуршит и рушится листвой.
Съели крысы лоции и карты.
Больше мы ни в чём не виноваты,
значит – возвращаемся домой...